

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПРАКТИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ф. С. Герасимов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 ноября 2009 г.

Аннотация: в статье рассматриваются предпосылки возникновения классической рациональности с точки зрения социокультурной модели эволюции рациональности. Признание тесной связи практик и способов деятельности с типом рациональности приводит к необходимости рассмотрения эволюции практик. Показано, что различные практики и способы деятельности в Новое время коррелируют между собой и приводят к возникновению нового типа рациональности — классической рациональности. Установлено, что данный тип рациональности существует наряду с другими типами, при этом носителем различных типов рациональности выступает зачастую один и тот же социальный субъект, включенный в различные практики.

Ключевые слова: практики, рациональность, Новое время, типы рациональности.

Abstract: this article considers the prerequisites of the origin of the classical rationality from the point of view of a sociocultural model of the evolution of rationality. The recognition of the tight connection between the practices and rationality leads to the necessity of the examination of the evolution of practices. It is shown that in Modern Ages different ways of activities and practices correlate with each other; this correlation leads to the existence of a new type of rationality, so-called classical rationality. It is stated that the given type of rationality coexists with another ones. In this case the same social subject involving in different practices exists as a bearer of different types of rationality.

Key words: practices, rationality, Modern Age, types of rationality.

Классическая рациональность давно интересует исследователей и философов во всем мире. Ни одно серьезное исследование по философии науки не может обойти стороной этот феномен. Новоевропейский тип рациональности всесторонне изучен; рассмотрены особенности мышления, менталитета и творчества основателей современной науки, виднейших мыслителей нового времени, выдающихся художников, поэтов и музыкантов... Вслед за дотошным анализом истории идей в дело вступили историки повседневности. Исследования последних десятилетий XX в. познакомили нас с привычками, способами поведения и мировосприятия обычных людей. Мы знаем о Европе Нового времени многократно больше, чем 30 — 40 лет назад, однако имеем ли мы всестороннее представление о классической рациональности как явлении культуры? С сожалением приходится констатировать недостаточное понимание причин, специфики и форм проявления данного фено-

мена. Вместе с тем задача выявления причин возникновения этой специфически европейской формы рациональности представляется весьма актуальной.

Исследователь, занимающийся проблемой социокультурной эволюции рациональности, полагает, что рациональность неразрывно связана с типами деятельности, с практиками, которые осуществляет человек и в которые он включен. Каждая сфера человеческой деятельности, каждая практика или совокупность практик формируют свои нормы и правила, свои критерии возможного, допустимого и недопустимого, образцы постановки и решения тех или иных задач — свой тип рациональности; причем эти нормы в подавляющем большинстве случаев не выделяются в чистом виде. При этом видно: что а) эволюция рациональности необходимо связана с эволюцией практик различного рода; б) поскольку в каждую конкретно-историческую эпоху существует множество социальных субъектов, включенных в различные практики, необходимо говорить о гетерогенности типов рациональности в каждый период времени. Нужно только не забывать, что в силу (хотя бы) целостности человеческой жизнедеятельности практики эти (а стало быть, и типы рациональности, им отвечающие) определенным образом взаимно организованны, коррелируют, образуют в каждую конкретную историческую эпоху относительно согласованный ансамбль. По этой причине мы можем (на определенном уровне абстракции) говорить о типе рациональности той или иной эпохи. Как же «раскрутить» этот «клубок» различных практик и раскрыть причины возникновения феномена «классической рациональности»?

Попробуем рассмотреть характерные для рассматриваемого периода практики. Большинство исследователей указывают, что для перехода от Средневековья к Новому времени характерно изменение религиозных и социально-экономических отношений.

1. Изменение религиозных практик. Наиболее распространенная точка зрения на возникновение классической рациональности связана с работами М. Вебера. Считается, что решающую роль в изменении мышления сыграл протестантизм. Действительно, в протестантизме (в частности, в кальвинизме как в одной из его крайних форм) можно обнаружить тип мышления, существенно отличающийся от всех предыдущих. Тот факт, что Бог здесь абсолютно трансцендентен по отношению к человеку и миру и ни о какой органически родовой связи Творца с сотворенным не может быть и речи, приводит к тому, что близкий и понятный Бог эпохи Возрождения принципиально исчезает из мира, он теперь вне его. Отсюда, по мысли Вебера и его последователей, вытекают принципиальное «расколдовывание» мира и его рационализация, творческая деятельность утрачивает свой сакральный смысл, и ее место занимает непрерывный труд во имя умножения славы Божьей. Со всей решительностью пуританская этика требует рационализации и методизации жизни человека и общества. «Любовь к ближнему» обретает обезличенный характер деятельности, направлен-

ной на рациональное преобразование окружающего нас общества и природы. Такова одна из основных идей работы Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Это исследование стало классикой мировой научной мысли сразу после первого издания. Вместе с тем уже друг и коллега Вебера, В. Зомбарт, критикует первого за... слишком хорошее выполнение задачи: «Упрек слишком хорошего выполнения задачи падает, по моему мнению, на многократно восхвалявшееся исследование Макса Вебера...» [1, с. 277]. Речь здесь о том, что те догматические тонкости, которые изучает Вебер, далеко не всегда были способны пробиться в сознание обыкновенного человека. По мысли Зомбарта (и мы вынуждены здесь абсолютно с ним согласиться), для изучения связи между учением религии и духовной структурой хозяйствующих субъектов той или иной эпохи «какие бы то ни было религиозно-научные или философские тонкости совершенно не имеют значения. ... играет роль одно только обыденное учение, массовое, практическое исполнение правил религии» [1, с. 277]. Отдельные наставления пуританской этики, по мысли исследователя, совпадают с положениями Фомы Аквинского (трудолюбие, требование заниматься полезными вещами, неумеренность как смертный грех, бережливость). С позиции Вебера очень сложно (как?) объяснить происхождение рационального мышления и мироотношения у представителей других религий, например у католика Декарта. Или, напротив, как с этих позиций можно объяснить внедрение буржуазного духа в идеи Лютера, ведь он «защитник старых идей и старых предрассудков [в области экономики — Ф. Г.]. ...Он яростный антифинансист, антибанкир, антикапиталист. Он свирепый антисемит. Он держится старых добрых средневековых установлений и никогда от них не отступает» [2, с. 210]? Таким образом, указания на реформацию для объяснения возникновения нового типа рациональности явно недостаточно.

2. Изменение социальных отношений при переходе от феодализма к капитализму. Например, А. В. Юревич говорит о том, что становление науки Нового времени имело «хорошо известные социально-экономические, политические и т.п. ... предпосылки» [3, с. 155]. Предпосылки эти таковы: разрушение феодально-общинных связей, обособление индивидов, осознание ими себя в качестве самостоятельных личностей, созревание индивидуалистической психологии и вообще индивидуализма и т.д. Однако если эти предпосылки и истоки имеют действительную силу, то почему они действовали только в Западной Европе? Ю. Н. Беляев с полным правом интересуется (и мы вместе с ним): «Почему в Европе разрушение феодально-общинных связей и христианство привели к индивидуализму и «атомизации» общества, а, например, в России, где хотя и позже, но также были разрушены феодально-общинные связи, ... не привели? ...Тот же вопрос в той или иной мере, в тех или иных отношениях можно задать по поводу многих регионов Старого Света в период времени с XVI века, когда эти регионы находились примерно в одинаковых «стартовых» условиях с Европой, и вплоть

до настоящего времени» [4, с. 231]. Да и, как показывают современные исследования, даже в рамках самой Европы преодоление феодализма и общинного принуждения — крайне медленный процесс, затянувшийся даже во Франции вплоть до XVIII в. (в связи с этим некоторые историки говорят, вслед за Ле Гоффом, о «Долгом Средневековье»). Даже в городах вплоть до XVII—XVIII вв. организация труда основана на традиции и регулируется различными уставами и предписаниями гильдий и цехов*. Кроме того, разрушение каких-либо традиционных обществ вовсе не означает распад именно до обособления каждого индивида. То есть разрушение феодально-общинных связей (и рост самосознания) и возникновение классической рациональности — существенно различные процессы.

Таким образом, выясняется недостаточность указанных двух причин для объяснения переворота в мышлении, произошедшего в Новое время. Применение формальной схемы «от феодализма — к капитализму» мало что дает для исследования этой проблемы и понимания специфики происходящих в Европе XVI—XVIII вв. процессов; а при рассмотрении связи реформации, нового способа хозяйствования и нового типа рациональности мы должны говорить скорее о взаимообусловленности явлений, нежели об их причинной связи.

Как же все-таки, понять и объяснить смену типов рациональности? Абстрактно можно говорить о том, что в Новое время и непосредственно перед ним появляются и получают широкое распространение практики, связанные с унификацией и тиражируемостью. Чего? Всего: товара (любого рода) и операций по его изготовлению. Операции и их последовательность бесконечно повторяются при производстве каждой единицы товара, приобретают характер алгоритма.

Для того чтобы конкретизировать эти положения, необходимо обнаружить те практики или технологии, которые и обеспечивают указанную унификацию и тиражирование. Френсис Бэкон — один из тех, кто осознает разрыв между своим веком и предшествующей историей и пытается найти ему объяснение: «Хотелось бы еще показать силу, достоинство и последствия открытий; а это обнаруживается нагляднее всего на примере трех открытий, которые не были известны древним

* См. детальное обсуждение этого вопроса в работе Р. Кастеля [5]. В частности, автор отмечает [5, с. 27], что договорные формы и свобода предпринимательства, основанные на принципе либеральной управленности (в противовес формам опеки и принуждения со стороны абсолютистского государства и традиционной организации труда), пришли лишь на исходе XVIII в.

** Нам кажется верной мысль (имплицитно содержащаяся уже, по крайней мере, у Маркса) А. И. Зайцева о том, что необходимым (но недостаточным) условием качественных изменений в обществе является технологический переворот, влекущий значительные социальные и культурные последствия. К таким переворотам относят одомашнивание животных и переход к земледелию в неолите, изобретение бронзы и колеса на Древнем Востоке, огнестрельного оружия в позднем Средневековье, книгопечатания в эпоху Возрождения [6, 7].

и происхождение которых хотя и недавнее, однако темно и лишено громкой славы, а именно: искусство печатания, применение пороха и мореходной иглы. Все эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира, во-первых, в деле просвещения, во-вторых, в делах военных, в-третьих, в мореплавании. Отсюда последовали бесчисленные изменения вещей, так что никакая власть, никакое учение, никакая звезда не смогли бы произвести большее действие и как бы влияние на человеческие дела, чем эти механические изобретения» [8, с. 81].

3. Нам представляется, что Ф. Бэкон верно отмечает изобретение, оказавшее огромное влияние на всю европейскую историю, — появление печатного пресса и соответственно технологии книгопечатания. Исследования многих историков современности направлены на понимание роли этого изобретения. Само по себе появление печатной книги вызывает как «локальное» изменение практик, непосредственно связанных с усвоением и передачей текстов, так и более глобальные изменения, касающиеся всех сфер человеческой деятельности: «Речь ныне идет прежде всего о том, чтобы понять, каким образом радикальные изменения в способах фиксации, циркуляции и консервации письменных текстов одновременно вызывали трансформации в человеческих отношениях, способах отправления власти, интеллектуальных техниках» [9, с. 27]. В середине XV в. происходит переворот в методах воспроизведения текстов и изготовления книги. С изобретением наборного шрифта и печатного станка рукописная копия перестает быть единственно доступным способом увеличения числа книг. Однако первые два столетия печатной культуры были по сути своей почти полностью средневековыми: более 90 процентов всех книг имели средневековое происхождение, а печатная книга зависит от манускрипта — наследует от него расположение текста на странице, шрифты, внешний вид... Но самое главное — ее завершение (рисунки, знаки препинания) происходит вручную. Кроме того, книга и до, и после Гуттенберга состоит из сложенных, переплетенных вместе листов. К этому моменту приурочено и распространение чтения «про себя», молча. Безусловно, что этот навык был известен уже и в Античности, и в Средневековье. Однако средневековая культура оставалась все же культурой чтения вслух [9, с. 18—43; 10, с. 57—64]. Во второй половине XVIII в. происходит еще одна важная революция в чтении: чтение «интенсивного» типа (при котором читатель читает, перечитывает и заучивает наизусть ограниченный, замкнутый корпус текстов) сменяется чтением «экстенсивным» (читатель начинает потреблять множество разнообразных печатных текстов, сравнивает и сопоставляет их).

Что же дает появление книгопечатания европейской культуре? Помимо увеличения числа текстов (и их копий) и обеспечения более легкого доступа к информации книгопечатание дает прекрасный образец техник повторяемости и единообразия, первый конвейер и первое массовое (серийное) производство. Книгопечатание представляет собой первый шаг к механизации ремесла. Благодаря книгопечатанию цифры

принимают единообразную форму. Эти единообразные буквы и цифры в книгах помещаются в единообразное, непрерывное и «рациональное» пространство (чего раньше, в рукописях, не могло быть). Именно повторяемость (и стандартизация) составляет ядро механического принципа, свойственного Европе Нового времени. Применение съёмных литер явило миру невиданное до того времени средство механизации любой ручной работы путем сегментирования и фрагментирования целостного действия.

4. Книгопечатанию гомогенно и возникающее промышленное производство: именно в нем капитализм создает сгусток рационализирующих (в Веберовском смысле) воздействий. Во-первых, работник отделяется от дома, от быта и помещается в искусственную среду, где он вынужден подавлять свои эмоции и фантазии. Во-вторых, необходимость учета, контроля и управления производством приводят к развитию и распространению счета и планирования, к отделению мысли от образно-смыслового подтекста письменности. В-третьих, в машине полезный эффект не зависит от породившей ее технической мысли, а многие телесные движения человека становятся более точными и экономными. Развитие товарного производства приводит к необходимости специализироваться на изготовлении одного вида товара, но зато в массовом количестве и к некоторому всеобщему результату — возникновению мира вещных отношений как самостоятельного, не зависящего от человека и даже господствующего над ним. В работе советского философа А. С. Арсеньева, посвященной анализу этого процесса*, отмечается, что в результате развития товарного производства человеческая деятельность и человеческий мир «предстают как мир вещей, в котором вещи находятся в самостоятельных, объективных, «вещных» (т.е. собственно материальных) отношениях» [11, с. 129]. Промышленность, таким образом, не только концентрирует и «стягивает» в себя унифицированные, обезличенные и стандартизированные практики из всех сфер жизни общества, но и становится одним из главных их распространителем, подменяя собой источники своих заимствований или оттеснив их на вторые роли. В ранней индустриальной фазе европейского капитализма повсеместно осуществляется технизация телодвижений, а человек должен приспособливаться к своим подобиям — механическим устройствам мануфактур и первых фабрик. При этом механизация не ограничивается производством, она захватывает государство, познание, быт. Мыслители и организаторы, администраторы и создатели всевозможных «прожектов» опережают предпринимателей и изобретателей в деле распространения механического порядка на общество и природу**.

* Нами выбрана именно эта работа, так как в ней воспроизводится одно из положений материалистического понимания истории, однако конкретизируется применительно к интересующему нас вопросу.

** Для понимания и иллюстрации подобной механизации и унификации мира, появления точности, пунктуальности и т.д. крайне полезна упоминавшаяся выше работа В. Зомбарта «Буржуа» [1].

Кроме того, развитие торговли и увеличение масштабов экономической деятельности неуклонно ведут к развитию образования. Как отмечал еще в первой трети прошлого века Анри Пирен, «образованность торговцев определяется характерной для определенного времени экономической деятельностью... Можно смело констатировать, что образование эволюционирует вместе с развитием коммерции» [12, с. 441].

5. Легко показать, что и другое выделенное Ф. Бэконом изобретение — порох и огнестрельное оружие — приводит к аналогичному результату — стандартизации, унификации и тиражируемости некоторых операций. Изобретение пороха европейцами привело к изменению характера военных действий и структуры армии. Здесь произошло нечто сравнимое по социальному эффекту (и, в общем-то, по механизму действия) с появлением гоплитской фаланги в Античности. Ежедневная муштра стала необходимым элементом военной подготовки, а «подразделения стали своеобразными видами сообществ, внутри которых новые, стандартизированные личностные отношения заменили основанные на обычае традиционные общественные группы» [13, с. 156]. Каждый элемент военной подготовки отныне зафиксирован и описан; сложные движения разделены на простые. Так, процесс стрельбы из аркебузы (в учебных целях) разделен на 43 последовательных движения. Учебник с изображением и описанием этих движений, изданный в 1607 г., распространился во всех европейских армиях.

6. В том же направлении действуют и другие техники: появление в X в. часов с грузом и их эволюция к механическим часам с секундомером, появившимся в 1690 г. [1, с. 381], приводят к ощущению времени как чего-то гомогенного, единообразного, делимого и поддающегося точному измерению: «Создание механизма для измерения времени породило, наконец, условия для выработки нового отношения к нему — как к однообразному, унифицированному потоку, который можно подразделять на равновеликие бескачественные единицы. В европейском городе впервые в истории начинается «отчуждение» времени как чистой формы от жизни, явления которой подлежат измерению» [14, с. 129]. Часы при этом представляют собой механизм, обладающий внутренним движением, автономный, не зависящий от воли и прихоти хозяина; это один из первых механизмов, поставленных на службу человеку, и приспособленных к практическим целям.

7. Изменение политических практик: «Возникновение механицизма также совпадает с укреплением и централизацией власти в Европе или, пользуясь терминологией Фуко, с образованием «дисциплинарных обществ» [15, с. 154], для которых желанными являются регулярность, иерархичность, пронизываемость управления. Именно в эту эпоху и получает распространение метафора «машина власти».

8. Изменения более локальных практик демонстрируют, в целом, те же тенденции. Выходят из моды излишняя роскошь и праздность, в повседневной жизни им на смену приходят бережливость и расчетливость; «семья удалялась из публичной сферы, постепенно сосредотачи-

ваясь на себе» [16, с. 164]; появляются приватное чтение, перспектива в живописи... Распространяется повсеместное увлечение диковинными механизмами. Место сундуков в домах заняли шкафы и полки — вещи теперь располагаются и классифицируются в определенном порядке, городская планировка стала более разумной и функциональной. Примеров несчетное множество, ими полна любая работа о повседневной жизни людей рассматриваемого периода.

При внимательном рассмотрении этих (и, возможно, многих других) практик обнаруживается некоторая их корреляция — они действуют на некий всеобщий результат и рационализируют (в том смысле, который вкладывал в это слово М. Вебер) общество. Здесь, однако, необходимо учитывать два момента. Первый: само по себе возникновение новых практик и технологий является лишь необходимым, но недостаточным условием смены типа рациональности вообще. Например, известно, что уже в XI в. в Китае были известны глиняные наборные шрифты, а в Корее в XIII в. — металлические. Однако благодаря особенностям языков, для которых характерно большое число знаков, система создания и распространения печатных текстов основывалась в этих регионах на ксилографии. Такой способ сохранял глубокую связь между рукописным письмом и печатью, поскольку доски гравировались по каллиграфическим образцам, и не мог вести к представлениям об однородности и единообразии пространства, заполненного единообразными буквами и цифрами. То есть в специфических восточных условиях технология печати не могла привести к представлениям о стандартизации и повторяемости. Сходные замечания можно высказать и относительно последствий изобретения пороха в Китае*, и относительно появления там (при помощи европейцев) механических часов, ставших забавными игрушками при дворе императоров. Второй момент: вопрос о носителе нового типа рациональности и нового мышления явно недостаточно изучен и нуждается в детальной разработке. Новый тип рациональности проникает исподволь в мышление (прежде всего) буржуа, жителя города. Жителя города, включенного в вышеописанные практики (недаром именно инженер становится одной из ключевых, знаковых фигур эпохи!). Способов приобщения к новому типу рациональности множество — это и непосредственное участие в деятельности, и книги, и периодика; различные сообщества — от кафе и салонов до Литературной республики и масонских лож... Но рядом с таким горожанином живет множество людей (и их подавляющее большин-

* Следует отметить, что некоторые авторы отмечают в Китае, начиная с XI в., ускоренное продвижение в сфере рыночных отношений (торгового капитала), что повлекло за собой, по их мнению, существенную рационализацию мышления (т.е. процессы, сходные в основных существенных чертах с европейскими, но опережающие их на три-четыре столетия) и несомненное превосходство Китая над другими цивилизациями в индустрии и вооруженных силах в этот период. Причины утраты к XV—XVI вв. этого лидерства — до сих пор неразрешенный вопрос. Подробнее аргументацию этой позиции см. в [13, с. 46—84].

ство), включенных в иные, традиционные практики. Крестьяне (да и осколки старой аристократии) сохраняли средневековое, а во многом еще мифологическое мышление — традиционные практики порождают соответствующий способ мышления, один из самых устойчивых во времени. Им свойствен традиционный, или аффективный, тип действия. Иные практики и способы деятельности, давно утратившие свою актуальность, сохранялись и воспроизводились через других социальных субъектов. Так, античный тип рациональности и мышления, преломившись через христианское богословие, был присущ университетской публике. Университеты остаются, вплоть до конца XVIII столетия, оплотом схоластики, или, как в Падуе, с ее аверроизмом, оплотом агрессивного аристократизма. Эти хранители аристотелевой науки вовсе не собирались «добровольно» менять свой тип мышления... Возможно, далее, что различные типы рациональности способны «уживаться» в одном субъекте. Нам кажется, что история науки дает множество подтверждений этой мысли, однако вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Таким образом, имеет смысл говорить о некотором всеобщем результате совместного действия многих техник и практик, который смог реализоваться только в уникальной конкретно-исторической ситуации Нового*.

Литература

1. *Зомбарт В.* Буржуа : Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. — М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 2009. — 576 с.
2. *Февр Л.* Капитализм и реформация / Л. Февр // Бои за историю. — М. : Наука, 1991. — С. 203—217.
3. *Юревич А. В.* Культурно-психологические основания научного знания / А. В. Юревич // Проблема знания в истории науки и культуры. — СПб. : Алетейя, 2001. — С. 155—192.
4. *Беляев Ю. Н.* «Механицизм» в новоевропейской культуре / Ю. Н. Беляев. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. — 260 с.
5. *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастель. — СПб. : Алетейя, 2009. — 574 с.
6. *Жмудь Л. Я.* А. И. Зайцев и его культурный переворот / Л. Я. Жмудь // Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н.э. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — С. 3—29.

* Хотя некоторые сравнительные исследования различных культур показывают, что в сходных экономических и социальных условиях могут возникать сходные ментальные феномены. В качестве примера можно привести исследование Е. Ю. Ваниной [17], которая, проанализировав мировоззрение и ментальность средневековой Индии, приходит к выводу, что «все рассмотренные в книге черты «ментальной программы» средневековых индийцев вполне соответствовали основным характеристикам, структурообразующим элементам феодального общества, которые являлись в той или иной степени общими для стран, прошедших через данный этап исторической эволюции» [17, с. 324].

7. *Зайцев А. И.* Теория исторического процесса и культурные взрывы / А. И. Зайцев // Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н.э. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — С. 293—299.
8. *Бэкон Ф.* Сочинения / Ф. Бэкон. — М. : Мысль, 1972. — Т. 2. — 582 с.
9. *Шартье Р.* Письменная культура и общество / Р. Шартье. — М. : Новое издательство, 2006. — 272 с.
10. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга : Становление человека печатающего / М. Маклюэн. — М. : Академический Проект : Фонд «Мир», 2005. — 496 с.
11. *Арсеньев А. С.* Наука и человек (Философский аспект) / А. С. Арсеньев // Наука и нравственность. — М. : Политиздат, 1971. — С. 114—158.
12. *Пирен А.* Образование в купеческой среде в Средние века / А. Пирен // *Анналы экономической и социальной истории : Избранное.* — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. — С. 441—461.
13. *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках / У. Мак-Нил. — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. — 456 с.
14. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич // *Избранные труды. Средневековый мир.* — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. — С. 17—260.
15. *Кирсанов Я. А.* Метафора машины власти в дискурсе нового времени / Я. А. Кирсанов // *Вестн. Воронеж гос. ун-та. Серия : Философия.* — 2009. № 1. — С. 151—160.
16. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Р. Дарнтон. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — 384 с.
17. *Ванина Е. Ю.* Средневековое мышление. Индийский вариант / Е. Ю. Ванина. — М. : Вост. Лит., 2007. — 375 с.

Воронежский государственный университет

Герасимов Ф. С., преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: f308@inbox.ru

Тел.: (4732) 55-08-57

Voronezh State University

Gerasimov F. S., Senior Lecturer of the Department of Ontology and Theory Knowledge

E-mail: f308@inbox.ru

Tel.: (4732) 55-08-57